

- Освободите тропинку, бабушки!
- А что такое, сынок?
- Здесь сейчас пойдут танки.
- Как же они здесь пройдут, тропинка-то узкая?
- Эти пройдут. У них одна... гусеница.

Из советского фильма.

1

Круиз

Никогда еще что-то хорошее не длилось слишком долго. Так уж устроена эта дурацкая, раскинутая на тысячу мегапарсеков вокруг чернильная пустота, спонтанно истыканная цветными, припухшими кляксами тепла. Конечно, точно сказать про те парсековые дальности трудно, и хотелось бы верить в лучшее — мол, только у нас под желтой звездой не все как надо, и нельзя, понимаешь, лишь по аналогии и, так сказать, по закону подобия... Но как-то не доходят оттуда никакие известия приятного вида, все больше всякие кошмарики: то подрывы сверхновых, то галактические тараны навывлет да черно-дырчатые проколы там и тут в эвклидовых сумерках. Уж если бы веселились там направо-налево, сквозь все искривления гравитационных линз и прочие казусы. Так бы и пиликали, напевали лазерными маяками, точками-тире о своей жизни распрекрасной, хлебосольной и не в меру длительной, о царствах своих подлунных и лунных. Однако нет же ничегошеньки! И потому, скорее всего, там, в астрономических далях, такие напасти водятся, что стыдно про них поведать даже ближним сосе-

душкам по галактике, а не то что дальним. И лучше тогда уж вообще ничегошеньки не ведать и по-прежнему в надежде-вере в чужое везучее житие на звездочки мерцающие поглядывать.

Особо превосходно глядеть на них совершенно не в телескоп: самые большие обычно в горах, а климат там ночами сопровождается выдыханием из ноздрей пара, так что многие из приятностей скоренько улетучиваются, и остается только воля в кулак и ожидание рассвета в качестве смены разводящих. Так что гораздо привольней делать это из мягких широт, да еще чтобы вокруг отсутствовали всяческие постройки и неровности планетарного рельефа. И значит, наилучшая вариация — палуба круизного лайнера. Момент, когда полуночная музыка уже смолкла, а пьяные похохатывания рассосались по каютным упаковкам. Тогда... Однако там обычно присутствуют всякие отвлекающие романтические зарисовки. Следовательно, лучше палуба не круизного, а обыкновенного, бегущего по своим делам корабля. Важно, что вы не в команде — бездельничающий пассажир. Глаза ваши не устали за день и распахнуты в проколотую звездами темень. Нет, совсем до них не парсеки! Кажется, эту россыпь получится запросто просеять сквозь ладони. Но некогда...

Пальчики действительно заняты кое-чем более романтическим. Все ж таки очень смахивает на круиз. Тут под ладонью теплая талия Лизы. Да, она, конечно, по привычке все еще обожает красную звезду Марс, однако властвует здесь давно укатившаяся за горизонт Венера. И мягкие волосы на плече, разумеется, маскируют отчаяние и трагичность никем не населенных мегапарсеков. Очень верится, что там миллиарды возведенных в степени счастливых тоже распахнули зрачки навстречу.

Словом, это может длиться и ночь, и еще ночь, и... Ведь вы вообще-то собирались тихонько и не торопясь

доплыть в Центральную Мексику, по тишине Тихого океана. Когда еще будет случай, вот так запросто, без забот о всяческом снаряжении и о точных сроках прибытия. И Лиза, и звезды, и все такое красивое. Однако...

Эта вселенная устроена с большими дефектами. Шестеренка, заведующая счастьем, явно со стершимися зубчиками: она проскальзывает, сдвигает шкалу времени в самый неподходящий момент. Тогда спокойное мерцание миллионов развешанных в мегапарсеках газовых шариков вдруг начинает колыхаться. Наверное, вы свидетель всегалактической катастрофы — сворачивания пространства в гравитационный коллапсар? И можно насладиться торжеством момента всекосмической гибели? Уймите воображение, все гораздо проще и приземленнее. Падает, то есть идет на посадку, вращая шумными лопастями, транспортно-десантный вертолет «МН-53». Притягиваем Елизавету ближе и впиваемся свободной рукой в перила ограждения. Двадцать два метра вращающегося над головой винта — это совсем не подмигивание пульсара, но и не шуточки — ветровой поток может смахнуть вас за борт прямо отсюда, не спрашивая фамилии, и даже без поддельного, выданного без расписки паспорта.

Да, теперь вы дополнительно убедились, что эта вселенная устроена препаршиво. Однако непредельно. На этот раз тут совсем не империалистический десант, с которым вам даже нечем было бы сойтись врукопашную. Тогда уж действительно лучше за борт вместе с Лизой Королевой в обнимку и глубокое погружение в Центрально-американский желоб.

Кто-то до ужаса знакомый, но покуда не опознанный во мраке ночи машет вам ручкой в просвет сдвинутой в сторону створки. Потом все-таки спрыгивает, пригибаясь бежит по палубе. И вот уже...

Господи, перед вами чудо реанимационной медици-

ны 2030 года — Потап Епифанович Драченко собственной персоной.

— Ну, здравствуй, лейтенант Минаков! — говорит он, найдя акустический просвет в частотной палитре продолжающих распиливать воздух лопастей. — Давненько мы не виделись. Ваш кораблик совсем медлителен: вершащиеся в мире события начали его обгонять.

— Мы снова где-то потребовались? — интересуется Герман, даже не надеясь перекричать двадцатидвухметровую мясорубку, навсегда изрубившую в куски звезды.

— Ты предельно догадлив, Герман Всеволодович. Просто на диво, — смеется, соревнуясь децибелами с геликоптером, Епифаныч. — И вообще, дайте я вас хотя бы обниму, дорогие мои солдаты.

— Ну-ну, майор, предупреждаю, я до ужаса ревнив!

Но, наверное, голос Германа совсем не может соревноваться с вертолетным двигателем, ибо Драченко наваливается на них обоих всей своей тушей, а большущие лапищи сминают их, как щупальца Кракена, затаившегося в глубине Центрально-американского желоба. Как может этому противостоять какая-то хрупкость перил палубного ограждения?

Конечно, эти мегатарсеки устроены на диво бездарно, однако есть в них все-таки что-то эдакое. Как бы лучше объяснить...

2

Паровозная топка времени. Голубые экраны

До этого он жил как все. Шлялся туда-сюда, по возвращении делая крюк мимо упирающихся в небо тридцатиэтажных башен, а конкретнее — возле больших блестящих баков для мусора. Он в них не рылся, ну раз-

ве что несколько раз, когда вечерело и в сумерках получалось пересилить стыдливость. А обычно, так, заглядывал, как бы между прочим — иду, понимаете, гуляю; да вот теннисный мячик тут обронил, может, закатился куда? А, ну нет и нет, не в претензии. Иногда там попадалось кое-что интересное, годное куда-то для чего-нибудь. Однажды даже монитор; большой такой и даже не очень древний; после — чудеса! — выяснилось, рабочий. Там, в длинных башнях с работающими лифтами, явно была страна Лимония, но пройти нельзя — два швейцара с пневматическими карабинами. Неужели разрешено прямо по людям на улице? Или все же только внутри, на ковровых дорожках? Но возле «мусорок» никаких швейцаров. Но тут своя кастовая система, однако круглосуточного дежурства «бомжатыне», понятное дело, не ведут: демократия есть демократия, режим инвентаризации наличного добра только три-четыре раза за сутки. Понятно, еще кошки, собаки. Ну, тем не жалко, все едино долго не жить — когда-нибудь на шашлычок или вообще целиком запеченными. Это, конечно, если маленькая, какая-нибудь упитанная болонка, задыхающаяся от жира, отъелась на настоящей магазинной колбасе. Он как-то пробовал... Да нет, не колбасу. В смысле, и колбасу пару раз тоже, но вот тогда, эту самую болонку. Так, ничего. Правда, шерсть попадает; долго потом отплевывался. Еще подумалось тогда: может, объявления почитать? «Разыскивается белая боло... Прошу вернуть за солидное вознаграждение». Как же, дадите вы вознаграждение. В смысле дадите, а сами тут же в участок с мобильника. А там: «Откуда денежки, молодой бестолковый? Что?! Вознаграждение? Не смеди мою Нюсю. Клади сюда! Будем разбираться». Но шерсть все-таки невкусная. Еще Матусян поджучил, будто если проглотить нечаянно, то обязательно там, в желудке, прорастет. Будешь, понимаешь, сам себе болонка, только внутри. Потом, когда на

другой день все еще отхаркивалось, думалось — это все еще ее или уже твое собственное?

Короче, жил как все. Шлялся... В сторону школы... Иногда даже в нее саму. А что, прикольно. Тогда розги и карцер в подвале еще не ввели; в газетах разных только все судили да рядили: «Сколько в среднем ударов ремешком рекомендовано лучшими психологами мира для торможения полового созревания девочек?» С мальчишками, похоже, и так все ясно-понятно. Ну так вот, шлялся. И еще, конечно, ТВ. Девяносто пять каналов: пока просто листаешь, можно бы сделать те самые уроки. Но кто делает-то? Если только для прикола. Как-то даже была такая мода... С недельку держалась. «Препады» стояли на ушах. В учительском штабном блоке: «Не есть ли это реакция самой природы человека как вида на процесс деиндустриализации?.. В обществе зреют подспудные тенденции... Мозг — это природный феномен, который не может все время пережевывать жвачку, иногда ему требуется...» У слушающих сквозь замочную скважину животики вот-вот надорвутся.

В общем, на ТВ за девяносто каналов. Почти все «лабуда», как бы выразился тот «последний физик» в учительской — «жвачка». Однако жуем. Особо жуем, когда в рекламе ту самую колбасу режут ломтиками и... Типа «стала еще аппетитней, еще вкусней». Но вот в магазине тоже теперь охрана, так что как когда-то через стекло на прилавке не полюбоваться. И глотаем слюни «на сухую», даже не «вприглядку». В смысле, вприглядку можно с ТВ. Главное, чтобы потом или, еще хуже, до того, не про памперсы. Ибо прямо-таки реалистично, только что без запаха, фекалии во весь экран, и несчастная мамаша их голой рукой толчет, и размазывает, прямо по стеклу, с той стороны ТВ. В общем, если колбасу сразу после этого, то как-то не очень. Может, какая-то другая кол-

басная фирма конкурирующую колбасу подставляет? Все вероятно.

Но, честно сказать, сорокаминутный рекламный блок по двадцати каналам — это, клянусь, та еще песня о главном. Пока добил, тут тебе и наелся («пельмени «Сон» — это сон!»), и нанюхался (духами, «дезиками» всякими, особенно шикарными — «Имитатор немытого тела» или «Случайно одела старые трусики»), побрился («КУ» — это гладкость, ибо 64 лезвия с независимой подвеской — это титановый комбайн... Бреясь «КУ», ты помогаешь разоружению! Титан для «КУ» получен от переработки лодок типа «Акула»! Покажи «Акуле» «КУ»!), и просветишься («Читать круто! А читать самодвижущиеся комиксы «Сара-Мара» — еще круче»), да и вообще...

Короче, живешь как все. Потом вдруг останавливает на улице какой-то тип в майке с надписью: «Покажи кузькину мать!» И даже не слишком смахивает на маньяка. Начинает что-то втирать. Поначалу как реклама — все мимо кассы. Потом постепенно... Черт знает, может, пользуют какую-то электронику? Пока ты, зевая ртом, шлепаешь рядышком, что-то там из джинсового кармана светит тебе прямо в голову, взбалтывает рекламную кашу, и вот уже...

— Ты думаешь, что не можешь влиять на процессы? Ха! — и еще «ха-ха!» для верности. — Только прими решение, и все. Они специально обрабатывают тебя. Всех вас! Вы должны быть тупыми ослами, вот вы такие и есть. Но! — Тип с «кузькиной мамой» доверительно наклоняется. — Ты не просто потребитель. Ну, так они тебя называют, а потреблять-то особо нечего. Все вкусно-сти наверху. Так вот, в твоей власти заткнуть их лживую пасть. В общем, прилазь послезавтра в семь (да не утра, не бойсь) к памятнику Пушкину (ну да, за площадью Ленина, то бишь Бендеры). Не пожалеешь. Покажешь вот это, — и что-то мягкое в руку.

— Что за фигня? — говоришь ты, пялясь в кожаный значок на закрутке с изображением большущего молотка в еще большем кулаке.

— Это знак принадлежности. — И майка с «кузькиной мамой» испаряется.

3

Примерка брони

— Дело вообще-то нехитрое, потому как воевать вам придется с «железяками». — И Потап Епифанович улыбается шире солнца. — Твоему «Пульсару», Герман Всеволодович, это просто семечки. Вы с авианосцем справились, причем в худшем, чем нынешнее, снаряжении.

— Ну, авианосец, пожалуй, был все-таки не в своей среде обитания, — пытается возражать Минаков, и возражать, понятное дело, не по конкретной фразе, а по сути дела. Хотя ведь понятно, что нет никакого резона возражать, если уже сам давно согласился на выполнение нового задания, в чем бы оно ни заключалось. А потому стоит просто поддакнуть обожаемому начальнику. Однако командир нижнего звена в момент постановки задачи сверху обязан ворчать. Так принято. — И что значит воевать с «железяками»? Это с танками, что ли?

— Не смейся, Герман Всеволодович, если б дело шло о такой мелочовке, я бы опасался, что вы соскучитесь, ведь танки для «Пульсара» тоже дело пройденное. Слышал от господина Шикарева, как вы с ними разделялись в Африке, еще в период моей болезни. Так правда это или врут люди?

— Значит, в деле даже не танки, — вздыхает Минаков. — Что-то еще похуже. Интересно бы ведать, что?

— Не мучайся, лейтенант. Против вас будут всего-навсего роботы. — Теперь майор Драченко улыбается при-

мерно как звезда Бетельгейзе, которая, как известно, неохватней Солнца ровно в триста раз.

— Ух ты, господи боже! — присвистывает Герман. — Это как, шуточки такие или умники Центра уже изобрели Машину Времени? Решили с нашей помощью погонять Терминаторов грядущего.

— И, кстати, не смейся, Всеволодович, — демонстрирует не отличный от настоящего, но все же пластиковый указательный палец майор Драченко. — Все почти так и есть. То, что отрабатывается в обороне интересующего нас в качестве цели объекта, когда-нибудь вполне может встать на поток. Так что вам карты в руки, Герман.

— Эге-ге, Епифаныч, меня начинают терзать смутные сомнения. Не решил ли наш доблестно-таинственный Центр подработать «новых» долларов на стороне? За наш счет, разумеется. Мы, значит, должны участвовать в испытании новаторств янки? А в зависимости от этого они пустят или не пустят данную технику на конвейер, так?

— Ба, лейтенант Минаков, вы столь догадливы, что я начинаю подумывать, не произвести ли вас в капитаны или даже майоры, минуя промежуточные ступени. По типу случая с малоизвестным космонавтом Гагариным, коему некие достаточно смелые исследователи приписывают первенство космического полета, обгоняющее общепризнанное демократической общественностью лидерство Гленна.

— Ну вот, Потап Епифанович, у вас после госпитализации начала прогрессировать мания величия. Теперь вы приписываете себе полномочия по присвоению очередных и даже внеочередных воинских званий. Я-то, конечно, очень даже «за», но вы все же не министр обороны «ридной» Москвы.

— Вот они, современные дети закатившегося прогресса, — комментирует Драченко. — Тут для них же

стараешься, живота не жалея, и никаких благодарностей — сплошные упреки.

— Точно, майор, — скорбно кивает Герман. — Вот они, отъевшиеся в сытом прошлом старики, жаждущие и сейчас, по привычке, заграбастать все и вся у молодежи, а заодно заслать ее куда подальше, откуда она уж точно не возвратится капать на мозги.

— Так, Герман, ты уж эти злые пророчества брось, не перегибай, — меняет тон бывший глава отряда «Ахер-нар». — Вообще, поболтали, и будет. Давай продолжим по делу.

— Всегда готов!

— Вот и ладненько.

4

Комбинаторы

— Итак, господа, по какому еще поводу мы тут собрались? — спросил президент Соединенных Штатов Ад Буш. — Что за новый прискорбный случай соединил нас сегодня? Или мои вопросы звучат чрезмерно язвительно, господа военные и господа штатские? А вот я, например, так не думаю. Несмотря на наши постоянные совещания, мозговые штурмы и прочую натужную активность, наша страна летит в тартарары. Война в Южном полушарии идет вразнос. Похоже, мы не убираем оттуда войска и флот только из бараньего упорства. Хотя кто знает, вдруг, если мы их все-таки утащим сюда, назад, все будет еще хуже? В нашей более чем столетней вотчине Панаме наши лучшие корабли подвергаются ядерным ударам, садятся на мель. Там же тонут наши самые мощные ударные лодки. Какие-то прохиндеи неясной национальности крадут у нас ядерные боеприпасы. Хотя, может, и не крадут. Ведь наши доблестные разведуправле-

ния не способны установить даже этот простейший факт, то есть присутствует ли в деле состав преступления вообще, если выражаться юридически. Здесь, на нашем родном континенте, творится бог знает что. Эсминцы, мощью в крейсер, стреляют по своим. Преступники выпускаются из тюрем за просто так; охранники добровольно, и без особого давления, отдают каким-то проходимцам ключи от камер. Национальные меньшинства, которые извечно отставали в развитии от элитной нации (я сейчас констатирую факты, а не закрываю на них глаза, следуя любимой нами политкорректности), теперь почему-то запросто захватывают целые штаты, играючи разоружают гарнизоны штатной численности. Так, господа, или не так? Я что-то еще упустил?

— Господин президент, — зафиксировал полуминутную паузу после слов Буша советник по национальной безопасности Миллард Ладлоу, — однако есть одно обстоятельство, о котором вы в силу занятости покуда еще не ведали. Сегодня ночью я и министр обороны вникали в проблему. Разрешите передать слово ему.

— Что, министр Шеррил Линн, вы хотите сейчас меня расстроить? Доложить о результатах вашей инспекции театра военных действий в НЮАС, да?

— Никак нет, господин президент, мы с господином Ладлоу обсуждали сегодня другую проблему. Хотя она, надо признать, имеет отношение и к тому, что вы упомянули сейчас, и даже к тому, что раньше.

— Ну, давайте, Шеррил. Я весь внимание.

— Господин президент, помните ли вы что-нибудь о программе «Прыщ»?

Буш Пятый посмотрел на министра и повернулся к советнику по национальной безопасности:

— Миллард, о каком еще «прыще» идет речь? Я что-то должен о нем знать?

— Вообще-то, скорее всего, нет, господин президент.

Но мало ли какие источники информации имеются в вашем распоряжении? — пожал плечами советник. — По крайней мере, вы могли помнить о некоем всплывшем когда-то скандале о «разбазаривании государственных средств на нереалистические проекты сумасшедших интеллектуалов». Но если даже не помните, ничего страшного. Министр обороны для того и взял слово, чтобы подробно и четко все до вас довести.

— Значит, приступайте, Шеррилл. Нечего тянуть.

— Очень вкратце, господин президент, дело заключается вот в чем. Я на днях проводил совещание с нашими главными разработчиками оружия, в том числе учеными и конструкторами. То есть с цветом нации — мозговой элитой. В общем, есть такое предположение, что весь текущий кризис, абсолютно все перечисленные вами проблемы вызваны в первую очередь кризисом управления.

— Ага, решили скинуть президента, — констатировал Ад Буш. — Я уж думал, речь пойдет о чем-то действительно важном. Кого назначите-то? Нашего «вице»? Знаете...

— Извините, господин президент, речь пойдет не об этом. Дело не в конкретном президенте, вице-президенте или Комитете начальников штабов. Наша научная элита предполагает, что все гораздо хуже.

— Что значит хуже?

— Разрешите вмешаться? — внезапно пробасил председатель комитета начальников штабов, четырехзвездный генерал Форд Эммери. — Сэр, я хочу довести, что я лично и весь штабной комитет против этого вывода.

— Подождите, генерал Эммери, — отозвался Буш. — Я еще вообще не слышал никаких выводов. Пусть договорит ваш начальник — министр обороны США.

— Так вот, есть предположение, господин президент, что кризис управления возник потому, что сложность каждой из проблем независимо от других вполне подда-

ется управлению старыми, то есть известными до сегодняшнего дня, методами, но весь комплекс, все узлы переплетений этих проблем, никакому стандартному управлению вообще не поддается.

— И что теперь, Шеррилл, предлагаете сложить лапки и ждать у моря погоды?

— Нет, господин президент, имеется новый, альтернативный вариант.

— Ну так, будьте любезны, господин Линн, доведите же его мне в конце-то концов.

— Так вот, есть мнение, что на некоторое время, до разрешения кризиса, управление государством, а в первую очередь армией, требуется передать разуму более высокого порядка.

— Это что за фрукт такой, если не секрет?

— Это та самая, упомянутая две минуты назад, секретная программа под кодовым названием «Прыщ». Это, понятно, специально путающая чужие разведки кодировка. Настоящее название: «Управление страной с помощью системы нечеловеческого интеллекта».

На некоторое время в помещении повисло гробовое молчание.

5

Примерка брони

— В общем, задачка раз плюнуть и отряхнуться, Герман Всеволодович, — задумчиво разглагольствовал майор Драченко, расстилая на столе лист крупногабаритного монитора. — Вот тут, в юго-западной части штата Колорадо, так сказать, почти в самом центре Америки, имеется интересующий нас, а теперь еще в большем смысле и вас, объект. Это подземный центр управления армией. Очень таинственная штука, мало кто про нее знает. В самых секретных документах он именуется эдаким шутли-

вым прозвищем «Прыщ». Расположен этот «Прыщ», естественно, под горой, потому как в тех местах вообще-то сплошные горы, называются Скалистые. Может, слышал?

— Откуда мне, Потап Епифанович, я человек темный, из амурской тайги явившийся, — пожимал плечами Герман, разглядывая электронную карту. — Желаете просветить?

— На счет элементарщины, лейтенант Минаков, читайте в личное время справочники.

— Ну вот еще, майор, — почти натурально возмущался Герман. — Где ж его взять, то личное время? Вы ведь у меня его всегда отбираете. Вон, один раз в жизни хотел проехаться на пароходике по океану, не торопясь; пригласил с собой девушку, и что? Как всегда в самый неподходящий момент явился Потап Епифанович Драченко, прикрываясь все тем же таинственным — этот ваш «Прыщ» рядом не стоит — Центром Возрождения, и пригласил проехаться по небу. Я вот подозреваю, что вы за мной всю дорогу приглядывали и, как всегда, в самую ту, нужную для души, секундочку повязали.

— Правильно предполагаешь, Герман Всеволодович, очень правильно. Для чего же еще держать в небе спутниковые группировки, как не для подглядывания за интимными моментами из жизни лейтенанта-аэромобильника Минакова, так ведь? Мы ведь очень волнуемся за твою целомудренность, Герман. Очень волнуемся. А то вдруг привыкнешь да пойдешь в разнос. Кто тогда будет таскать по Америке ядерные головные части?

— Э-э, стоп-стоп, Епифанович, — улавливал Герман на лету. — Насчет ядерных головных частей сказано, так сказать, ретроспективно или имеется в виду что-то новенькое?

— Во, видишь, Всеволодович, благодаря сохраненному нами целомудрию ты не потерял курсантскую интуи-

цию, — хвалил Драченко. — Ты абсолютно прав, придется снова взваливать на плечи родного экзоскелетика заряды и переносить их куда следует. Да, впрочем, заряды-то ерунда — сто пятьдесят килотонн. Правда, эта самая, упомянутая тобой фирма — Центр Русского Возрождения — напартачила, несколько увеличила вес. Зато теперь это полноценные, пригодные к применению фугасы.

— Мама моя, — присвистывал Герман, расправляя согнувшийся уголок тканевого монитора, — это что же, Центру более не на чем таскать заряды? Лучший вариант моя хлипкая спина?

— Не паникуй, не паникуй, лейтенант. Во-первых, слушать надобно внимательно, я ведь упомянул про «панцири». Так что плечики лямками никак не натрут. А во-вторых, ты же у нас начальник, правильно? А у начальника всегда и всюду имеются подчиненные. Вот они-то, родимые, и покряхтят, пригибаясь.

— Так-с, а нести, как я снова догадываюсь, придется к этому самому «Прыщу», да?

— Ну разумеется, мой сообразительный друг, разумеется. Но мы не садисты. Вначале мы вас немножечко подвезем. Въедете со стороны штата Нью-Мексико. Там сейчас бардак высшей пробы. Беженцы оттуда валят большими, неуправляемыми толпами, десятками, сотнями тысяч. Мы рассчитываем, что среди них достаточно легко затеряться. Тем более валят оттуда сплошь белые. Есть там, правда, — уже наличествуют — пункты приема мигрирующего населения. Там дают направления в какие-нибудь лагеря временного размещения, а заодно изучают, «кто ж это к нам в гости с югов пожаловал». Но мы рассчитываем ссадить вас с транспорта несколько ранее. Придется сделать пешую прогулку, примерно вот здесь. — Потап Епифанович тыкал в мониторную плоскость.

— И сколько оттуда до места? — проявлял живой интерес Герман.

— Нет, отсюда далековато будет, Всеволодович, — кивал Драченко. — Это так, промежуточный этап — сорокакилометровая прогулка по природе. Дабы обойти всякие полицейские КПП. В тех местах до сей поры леса, так что достойная скрытность имеет место быть. Потом снова транспортные потоки. Но ведь это уже — как бы выразиться — на территории «северян». Так что подход к месту будете осуществлять с севера, то есть с менее ожидаемого направления.

— Я мало надеюсь, Епифаныч, но вдруг нам всего-то и надо, как подойти к этой самой горе, в которую вкопан тот самый «Прыщ», и скромненько забыть около нее один-два легеньких рюкзака с боеприпасами, не забывав, разумеется, инициировать специальные высоконадежные и устойчивые к электромагнитному импульсу часики. Так ли это?

— К сожалению, вынужден разочаровать, Герман Всеволодович. Если бы можно было обойтись только лишь такой прогулкой, я бы считал себя счастливым человеком. Да и вообще, получилось бы обойтись спецами менее высокого уровня. Однако... — чесал постриженную, но все же густую, ибо вообще-то не так давно инплантированную шевелюру майор Драченко. — Как я упоминал, в деле заряды средней мощности — семь с половиной «хиросим». «Прыщ» же вкопан на сто пятьдесят метров относительно предгорья, но поскольку над ним гора Корпуленк, то получается, по вертикали над ним целый километр разнообразных твердых пород. Это ближайшая точка, по горизонтали только с одной стороны что-то в этом же роде, но умноженное на три, а с остальных сторон гораздо поболее. Согласно добытым Центром теоретическим прикидкам, «Прыщ» обязан выдержать десятимегадонную ракетную боеголовку, с вероятностным отклонением сто пятьдесят — двести метров. Точно так же его не способна поразить проникающая боевая часть, с

углубкой до ста метров, эквивалентом сто—двести кило-тонн.

— Вот это прыщ, Епифаныч. Просто всем прыщам — прыщ!

— Уместное дополнение, Герман, очень уместное, — кривился майор Драченко. — Исходя из вышеперечисленного... Хотя, конечно, никто не проводил натуральных испытаний, а теория, как известно, это теория. Вдруг даже половина реальной мегатонны сплющит этот штабной комплекс в блин. Но мы, понятное дело, исходим из худшего. Так вот, вам придется проникнуть внутрь этой горы, то есть занести заряды прямо в рабочий туннель. И представь, Герман, положить его не где-нибудь скромненько у входа, а... Вот посмотри-ка новую картиночку. — В плоском мониторе производилась смена кадра. — Это не совсем точная, но достаточно приближенная к действительности схема. Наблюдаешь туннельчик?

— Вот этот «туннельчик»? — соорил мину Герман. — Ничего себе! Дайте-ка масштаб. Так он почти три кэмэ длины!

— Ну да, два и восемь десятых.

— И мы, значит, должны...

— Там пять дверей, рассчитанных на противостояние серьезной ударной волне. Порой это цельные, а порой многослойные отливки. Вес... Лучше уж не знать. В общем, вам придется доставить заряд как минимум вот сюда. Останется только одна дверь, и она при ста пятидесяти килотоннах не спасет.

— Весьма интересная миссия, я бы сказал. Сколько у нас шансов дойти туда, да еще и выбраться раньше, чем то, что мы доставим, рванет?

— Думаю, всякие процентные вероятности вам тоже лучше не знать. По крайней мере, до поры до времени. — И Епифаныч совсем не притворно вздохнул.

***Паровозная топка времени.
Голубые экраны***

Значок сидит на рубаше, как будто вшитая на китайской фабрике лейбла «Лэвис». Здесь он всегда, наверное, и был. Теперь ты с презрением шуришься в «сорокаминутку». Прикрываешь один глаз и вздергиваешь руку. Все будто через прицел. Уже получается смотреть на этих счастливичков, чикающих ножичком колбаску, как на уродливые мишени. И совсем не сбивает с толку то, что девица с рекламы резиновой куклы для взрослых дядей очень даже ничего себе. Мысленно выпускаем из нее воздух, как из куклы, и бьем в плоскую поверхность рисунка. Вообще, теперь ты не просто стираешь время и ускоряешь процессы переваривания, глядя в бесконечный поток счастливых балбесов, накушавшихся чипсов «Съешь меня — будешь иметь самый толстый!», теперь ты выполняешь задание. Запоминаешь лица. Вдруг тебе повезет встретить их воочию! Что, конечно, невероятно — отсюда далеко до столиц. Но даже если не встретишь, сорок минут не потрачены зря. Там, внутри, вместо желудочного сока загоняется в вены замешанная на правде ненависть. Они внушили тебе, что счастье в потреблении и более ни в чем? Они жестоко пожалеют — приближается час расплаты по неучтенным ранее векселям.

Да, повстречать этих веселых, фарфорозубых ребятушек тяжело. Но они должны знать, что мы уже все поняли и раскусили их трюк. Вообще-то эти бодрые старички и старушки, занятые ссыпанием в машинки порошков и замазюканного белья, а также борьбой с наипострашнейшей болезнью человечества — перхотью, сами являются лишь прикрытием для истинных манипуляторов. Жалко, в отличие от фильмов в рекламных блоках не высвечиваются титры, где указаны имена и фамилии

создателей сего опасного барахла. Не того «барахла», что рекламируют, все эти «Фальцваген» и «Сони» как раз налицо, а вот авторы самого рекламного клипа. Но ничего, ведь они особо и не секретятся, эти современные повелители душ. Рекламы самих рекламных агентств на каждом шагу: вербуют себе новую, молодую поросль. Отсечь бы им щупальца одним эффектным взмахом. Но это когда-нибудь. А пока можно, да и нужно, нанести удар не по направляющей голове, и даже не по рукам — всего лишь по орудиям производства.

В деле только десять человек. Те, что не только со значками, но и со спрятанными под спортивными курточками бейсбольными битами. Остальные — с полсотни душ, правда, тоже в основном со значками, но зато без оружия. Это маскировочный пояс. Двигаемся, разбившись на группки. Радостно чирикаем. Жалко, конечно, что девчонок подозрительно мало — их не хотят привлекать «в ряды» в большом количестве из-за природной болтливости. Потому толпа, даже рассредоточившись, все-таки выглядит агрессивно. Могут принять за каких-нибудь болельщиков-фанатов, и тогда... Может, бронетранспортер поперек улицы, а может, просто отснимут с вертолетного фоторужья профиль-фас — потом жди гостей с наручниками и с ордером. Но отнекиваться и филонить поздно. Закрутка значка навинтилась уже не только на рубаху. Пробралась по жилам-венам, наслоила макаронинами артерии. Тебе некуда деваться: ты и значок с молотом — единое целое. И неважно, что в руке не молоток. Бульжник — орудие пролетариата, а бита — орудие... Кого, собственно? Ладно, это уже теоретический туман, нам его не протаранить, слишком долго наблюдали в экране поедание «Сникерсов». «Сникерсни с нами!» Вот и «сникерснул», годков до шестнадцати. Теперь во что-то больш-меньш сложное уже не ввариться, какие-то контакты в черепушке намертво запаяны, ней-

роны, мать их так, подошли, закуклились в маленькие «черные дыры». «Туды» входит, назад «ни-ни»! Все благодаря «Сникерсам», их пронесенным мимо твоего рта калориям. Нет бы спросить вовремя: «Вы что ж за меня и есть их будете?» — «Ага!» Но, наверное, не услышал, когда отвечали; неразборчивость сленга заглушила навязчивая музыка. «Подключись к нам быстрее. Всего пять центов!» Вот и подключился. Теперь где найди свободные синапсы для внедрения чего-то сложнее «Приключений Фроси и Моси на Красных астероидах Юпитера»?

Итак, плавненько, рассредоточенно подруливаем. Это называется «тактикой стаи». Вот теперь мы в фокусе. В перекрестии гига-маркет «Розовый слон». Но весь он нас не интересует, только отдел, специализирующийся на ТВ. Все разведано заранее, так что нас пока не занимают увесистые ребята с помповиками. Заходим со стороны окон-витрин. Все! Шашки наголо! В том плане, что потные биты наружу. Ух ты! Как весело сыпанули стекла. И совсем они даже не пуленепробиваемые. Кто спорил, паниковал? Во! Да тут еще и сигнализация. Нам некогда ее глушить. Ноги повыше! Перешагиваем через обрезки стекол. Зачем проливать напрасную кровь? Хотя и жалеть особо не стоит — вся она пропитана клипами памперсов с младенчества. Нам нечего жалеть себя — мы лишь материал. Наше дело очистить сцену для пришествия новых, не рихтованных рекламой людей, с нормальными, не замкнутыми на «оттяжку» нейронами в черепе. А мы всего лишь жесткий напильник, должный подкроить издержки тупиковой цивилизации.

Ах вот они, родимые, так нужные ранее ТВ. Что-то верещат, о чем-то посмеиваются лица-сирены. Вот и пришел ваш, да и наш, час. Опускается тяжелая палица судьбы. Ба-бах! Красота! Какие же они глупые. Этот уже с дырой и искрит, деформируется под кроссовками, а другие все еще не врубались. Хотя нет. Пугают! Пыжит

мышцы какой-то культурист-чемпион. Впечатление от охвата трицепса? Нулевое. Опускается палица-бита. О, теперь да! А, обороняются. Выскочил сразу из трех экранов тираннозавр-рекс. Скалит зубы, отворяет пасть шире двадцати девяти дюймов. Не утруждайся, ты не у дантиста! Вот вам конец мезозоя! Рушится сверху палица-метеорит, круша атмосферу. Бегут, поджав хвосты, остаточные рептилии. Получите комету Шумейкера-Леви прямо по кумполу! Ах, вымирать так с музыкой? Трясут попами бедолаги певички. Извиняемся, сегодня вас это не спасет! Свистит в кислородной среде разогнанная до лучевой скорости дубина. Ба-бах! И уже нет певичек — осыпались стеклянным туманом. Теперь что там? Муси-пуси? «Спокойной ночи, телепузики»? Дурачим младенчиков? Готовим новые кадры для сериальных поездок в старость? Идет по дуге ударная субмарина для гольфа. Ба-бац!

А эти? Что притихли? Прикинулись мертвыми? Молча блестим чернотой, дабы про вас забыли? Спущен рычаг баллисты. Режет атмосферную плотность тяжелый, простой снаряд. Хуг! Ух ты! А ведь можно поднатужиться втроем и перевернуть всю стойку. О, это кто? Выскочил из видеодвойки или тут и был? Кричит что-то, брызжет слюной. А, он, оказывается, что-то тут покупал и оплатил, говорит. Смотри, какой Александр Матросов. Заслоняет свои 32 дюйма туловищем. Взлетает палица судьбы. Ничего, нечего было копить на такую технику. Век TV еще длится, но он уже прошел. Мы их приговорили, как прицельно пущенная комета динозавриков. Ты что, еще не унялся? Кто вернет денежки за чеки? Ну, уж точно не мы. Раскручивается сверхзвуковая праща. Да отойди ты, баран! Вот козел! Говорили же, предупреждали: «Не стой под стрелой, когда работает «Катюша». А тем более «Ураган». Что ж, теперь с TV наконец-то за капала кровь. Мы протаранили их душу.

Все, пора сматывать удочки. Хотя вон сколько тут еще TV — маленьких и больших, и еще, наверное, на складе. Ну вот этот, самый большой, покоящийся на верхотуре как замаскированный ДОТ... Его никак не получится обойти. Работает штурмовая группа. Смотрите, даже не вякнул!

Выскакиваем во все еще визжащие оконные проемы. Так-с... Это что? Мы разве грабители? Кто разрешал прихватывать что-то для себя? Заслужил? Ах ты, затесавшаяся в наши ряды мразь. Жаждешь получить палицей? Вот то-то! Верю, что справишься, а то бы... Прямо сейчас.

Ух ты! А вот и ребята с помповиками. Бросьте свои «пукалки», посмотрите, сколько нас. Вы окружены и плохо кончите, Джон Сильвер! Оружие на пол... То бишь на асфальт! Руки выше! Колени согнуть! Вот так-то лучше. Мотаем отсюда быстрой. Вот-вот тут окажутся «гансы» на «луноходах».

Надо не забыть избавиться от послуживших правому делу бит. Эх, не по специальности вы поработали. Никогда не увидать вам красивых подстриженных лужаек для игры в гольф... Или там... Во что хоть ими играют? Кто знает-то? Ослы мы все-таки, ослы! Ну ладно, хоть лягаться обучаемся.

7

Примерка брони

— Оцени, — говорит Епифаныч и тычет рукой в разложенное на помосте экзоскелетное снаряжение. — И, кстати, угадай страну-производителя, допустим, попытки за три.

— Неужто... — с ходу и в сомнении вздергивает брови Герман, подразумеваемая достаточно невероятный ответ.

— Вот именно! — поднимает указательный перст майор Драченко. — Вот именно. Правда, пока это опытная партия. Может, снова, не дай бог, повторим свой обычный завал дела, когда дойдет до опта.

— Мне почему-то кажется, что нам придется провести испытание этого новячего продукта в бою, так? — предполагает Герман в некоем смутном сомнении за результат такой проверки.

— Ты прав, лейтенант. Настолько прав, что я даже подумываю, не пора ли тебе повесить звание за пытливость и догадливость. — И Потап Елифанович снова вздергивает палец вверх. Ему явно доставляет удовольствие беспрерывно демонстрировать свой новый, на вид совсем не отличимый от настоящей руки протез.

— Послушайте, майор, — кривит губы Герман, — что-то данная мысль не вызывает у меня восторга. Не лучше ли испытать полуфабрикаты на манекенах? Или, в конце концов, на каких-нибудь других, не столь ценных, как мы, специалистах?

— Ишь ты! — хмыкает Драченко. — Жаждешь подставить под удар товарищей? Братьев по оружию? Нехорошо, Герман Всеволодович, нехорошо. И кроме того, совсем плохо не верить в достижения далекой северной Родины. Она, понимаешь, о тебе печется, заботится. Почему, понимаешь, столь большое недоверие к успехам Московии на почве новых технологий?

— Новых? — в свою очередь усмехается Герман. — Со старыми...

— Ты потрогай, потрогай, оцени, — останавливает его начальник. — Может, не все так убого, как кажется. И я разумею сомнение, вполне разумею. Вот только намедни лазали по чужому авианосцу в «доспехах» инородного же производства, правильно? И в руках у вас были «плазмобои», тоже очень даже не «made in Rossia», так? А потому и сомнения. А кроме того, обидно, что дают

вам какое-то мелкое задание? Усложненный случай пока мод, так? А может, дорогой мой Всеволодович, тут расчет как раз совершенно противоположного порядка. Что, если новинка только и сможет сослужить службу в особо сложном, достойном тебя и твоего отряда задании, а? Ибо будет она у вас дополнительным и очень важным, никем не предугаданным козырем? Что тогда?

— Ладно, Епифаныч. Вам бы в рекламе работать, сбывать подержанные электро-авто.

— Ну вот, как только становятся героями, так сразу и считают, что отсидевшемуся в тылу командиру можно без спроса говорить всяческие гадости.

— Извините, майор, пожалуй, с подержанными авто я перегнул, — отработывает маневр отхода на исходные позиции Герман. Он наконец протягивает руку и трогает разложенный «панцирь». — Ух ты, какой легкий! Послушайте, а это не скажется на твердости?

— А ты надень, не стесняйся, — убежденно кивает Потап Епифанович.

— Черт возьми, он еще и цвет меняет!

— Да, приспособливается к окружающей обстановке. Мимикрия, так сказать. Но по команде может и наоборот — менять раскраску на самую яркую. Допустим, когда тебя разыскивают свои, откуда-нибудь с вертолета.

— Ловко, — соглашается Герман, поднимая и рассматривая части экзоскелета со всех ракурсов.

— Естественно, обычный набор. Чувствительные сенсоры по всему корпусу, автоматическая накладка шины при переломе, «само-жгутовка» конечностей при разрыве артерий. Есть всякая «бижутерия», автоматически заполняющая эфир сигналами о помощи при ранении, но мы ее, по понятным причинам, отключили.

— Заботливые вы люди, — язвит Герман. — Ясное дело, главное, скрытность операции, а люди, людишечки...

— Это точно, Герман Всеволодович, — улыбается

майор Драченко. — Но главное все же, чтобы костюмчик сидел.

— Вы так думаете, Потап Епифанович?

— Да, есть такое выражение, уж не помню откуда. Старею, не молодею, слаб стал на память.

— Но зато новая рука работает у вас что надо, — подхваливает Герман. — А уж про новые ноги я вообще молчу. Как вы намедни сигали с «вертушки» на палубу? Молодые, выносливые позавидуют!

— Правда, Герман? — совсем расплывается Епифаныч. — Так, может, мне это... Войти тебе в подчинение в качестве молодого и славного пополнения?

— Еще чего, не хватало плодить в команде нездоровую конкуренцию.

— Почему же нездоровую? Очень даже здоровую. Так, ты уже облачился? Ну, теперь давай кое-что проверим. — Майор Драченко обходит большущий стол и извлекает на свет божий девятимиллиметровый пистолет-пулемет «клин».

— Э-э, без шуточек! — отодвигается Герман.

— Не бойсь, солдат, — убежденно советует Потап Епифанович, снимая предохранитель и передергивая затвор. — Сделаем все без шума и пыли.

— Епифаныч, учти, я буду обороняться! Сервомотор штука серьезная!

Однако майор Драченко совершенно не шутит. Пистолет-пулемет грохочет в маленьком помещении не хуже зенитки. Причем не единократно — очередью. Вокруг дождь из гильз и визг переотраженных куда-то пуль.

— Епифаныч! Убью! — орет Герман и бросается вперед. Экзоскелет надет на него не полностью, так что движению не могут помочь искусственные икроножные мышцы, основанные на памяти металла.

— Все! Все, солдат! — скидывает руки Потап Епифанович. — Как ощущение?